

Научная статья  
УДК 338.24(571.6)  
doi:10.22394/1818-4049-2023-104-3-32-46

## Пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона: роль городов

Елена Борисовна Веприкова<sup>1</sup>, Александра Анатольевна Кисленок<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> Федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования», Хабаровск, Россия

<sup>1</sup> e.veprikova@vostokgosplan.ru

<sup>2</sup> a.kislenok@vostokgosplan.ru

**Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы пространственного развития Дальневосточного макрорегиона в контексте Стратегии пространственного развития Российской Федерации, в рамках которой особая роль отведена городам. Для определения их влияния на близлежащие территории и макрорегион в целом проведена сравнительная оценка уровня социально-экономического развития муниципальных образований субъектов РФ, входящих в состав Дальневосточного федерального округа. Несмотря на то, что города вносят существенный вклад в экономику регионов, они имеют ограниченное влияние на соседние территории. Для выявления причин слабого распространения агломерационных эффектов проведен анализ пространственного расположения городов, их вклада в экономику региона и сделаны соответствующие выводы. Кроме того, описаны возможные результаты проводимой государственной политики, направленной на центры роста. Приведены возможные направления принятия управленческих решений и их последствий для пространственного развития Дальневосточного макрорегиона.

**Ключевые слова:** пространственное развитие, города, факторы «первой» и «второй» природы, центры роста, агломерационный эффект, социально-экономическое развитие, муниципальные образования

**Для цитирования:** Веприкова Е. Б., Кисленок А. А. Пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона: роль городов // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 3 (104). С. 32–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-32-46>

## Spatial development of the Far-Eastern macro-region: the role of cities

Elena B. Veprikova<sup>1</sup>, Aleksandra A. Kislenok<sup>2</sup>

<sup>1,2</sup> The Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center», Khabarovsk, Russia

<sup>1</sup> e.veprikova@vostokgosplan.ru

<sup>2</sup> a.kislenok@vostokgosplan.ru

**Abstract.** The article deals with the issues of the Far-Eastern macro-region spatial development in the context of the Strategy for Spatial Development of the Russian Federation, within which a special role is assigned to the cities. To determine their impact on the nearby territories and the macro-region development level, a comparative assessment of the socio-economic development of municipalities of subjects of the Russian Federation that are part of the Far Eastern Federal District was carried out. Despite the fact that cities make a significant contribution to the regional economy, they have a limited impact on neighboring territories. To identify the reasons for the

*weak spread of agglomeration effects, an analysis of the city's spatial location, their contribution to the regional economy was made, and the corresponding conclusions were drawn. Assessment of possible results of the ongoing state policy aimed at the growth centers is given. Possible directions for making managerial decisions and their consequences for the spatial development of the Far-Eastern macro-region are given.*

**Keywords:** *spatial development, cities, factors of the «first» and «second» nature, growth centers, agglomeration effect, socio-economic development, municipalities*

**For citation:** Veprikova E. B., Kislenok A. A. Spatial development of the Far-Eastern macro-region: the role of cities // Power and Administration in the East of Russia. 2023. No. 3 (104). Pp. 32–46. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2023-104-3-32-46>

### **Введение**

Управление пространственным развитием территории (страны, макрорегиона, региона) является сложной задачей как для практической реализации, так и для научного осмысления. Прежде всего, это связано с высоким межрегиональным неравенством и внутрирегиональными различиями по уровню социально-экономического развития.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации декларирует сокращение межрегиональной дифференциации как важнейшую задачу управления пространственным развитием. В то же время в документе прослеживается ориентир на опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом, и на перспективные центры экономического роста, к которым относятся крупные города и ресурсные центры. При этом отмечается их недостаточное количество для обеспечения ускорения экономического роста.

То, что города являются драйверами социально-экономического развития более крупных территориальных систем (регион, макрорегион, страна), доказано научными исследованиями. Однако интенсивный экономический рост и улучшение социальной среды в городах не всегда позволяют сократить диспропорции пространственного развития. Еще в 1970 году Ч. Харрис отмечал, что «в России роль больших городов велика, только сеть редкая, что усиливает поляризацию пространственной организации» [Harris, 1970]. Данное утверждение еще в большей степени проявляется в Дальнево-

сточном макрорегионе, где нет ни одного города-миллионника, и только в двух административных центрах численность населения превышает 500 тыс. человек.

Поэтому вопрос, связанный с определением степени и характера влияния городов на пространственное развитие Дальневосточного макрорегиона, остаётся открытым.

Целью настоящего исследования является определение роли городов в пространственном развитии Дальневосточного макрорегиона. Также предполагается провести сравнительную оценку уровня социально-экономического развития локальных территорий субъектов РФ в составе Дальневосточного федерального округа (далее – ДФО).

### **Обзор литературы**

В научных работах, посвященных анализу основных направлений экономических исследований в части территориального развития и неоднородности экономического пространства, отмечается, что категория «пространство» упоминается еще в трудах мыслителей классического периода. А. Смита и Д. Риккардо многие исследователи в области региональной экономики и экономической географии считают основателями науки о пространственной организации хозяйства [Наумов и др., 2020; Иванов, Ложко, 2015; Минакир, Демьяненко, 2010, 2011]. Именно они развивали теории международного обмена, в основе которых были наблюдения различий факторов производства в разных точках экономического пространства.

Существенный вклад в формирование и развитие учений о размещении производств внесли немецкие исследователи.

И. Тюнен, В. Лаунхарт, А. Вебер разработали теорию штандорта сельского хозяйства и промышленного производства, обосновали систему факторов размещения. Классическое учение о штандортах дополнила теория «центральных мест» В. Кристаллера, обосновавшего тезис об иерархической структуре экономического пространства. Эта теория рассматривает факторы, способствующие грамотному расселению на отдельно взятой территории. По мнению автора, экономический центр, помимо своих собственных потребностей, удовлетворяет потребности окружающих его территорий.

Дальнейшее развитие данного направления связано с исследованиями А. Леша. Новизна его подходов связана с обобщением теории размещения населения на территории и производства, переходом от уровня предприятий к уровню регионов, дополнением новых факторов размещения.

Следующий этап исследований направлен на изучение центропериферийных отношений и кумулятивного роста, которые рассматриваются в работах Г. Мюрдаля, П. Потье, Ф. Перру, Т. Хегер-странда, Дж. Фридмана и др.

Особого внимания заслуживают исследования П. Кругмана, который представил объяснение перемещения факторов производства в модели «ядро – периферия» [Krugman, 1991]. Кроме того, Кругман выделил факторы, формирующие преимущества или барьеры пространственного развития: «первой природы» – не зависят от деятельности человека (природные ресурсы, географическое положение) и «второй природы», т. е. производные от человеческой деятельности (агломерационный эффект, человеческий капитал, институциональная среда) [Krugman, 1993].

Большинство исследователей опирается на данную классификацию при обосновании неоднородности экономического пространства. Концентрация конкурентных преимуществ в одних точках определяет высокий потенциал для роста, в свою очередь отсутствие каких-либо преимуществ у других территорий приводит к их отставанию по уровню социально-экономического раз-

вития. Это во многом объясняет неоднородность пространства и существенную дифференциацию между странами, регионами и локальными территориями.

В отечественной науке изучению пространственного развития посвящены фундаментальные работы советских экономистов – Н. Н. Баранского, В. С. Немчинова, А. Е. Пробста, Р. И. Шнипера, М. К. Бандмана. Данные исследования преимущественно концентрировались на осуществлении экономического районирования, определении принципов и закономерностей размещения производительных сил, разработке методов планирования и регулирования территориального развития.

В постсоветском периоде вопросами пространственного развития занимались известные ученые-регионалисты: А. Г. Гранберг, О. С. Пчелинцев, Е. М. Бухвальд, С. А. Суспицын, Е. А. Коломак, П. А. Минакир и др.

Диспропорции пространственного развития отечественными учеными активно изучались в 1990-х и начале 2000-х гг. В данных исследованиях существенное внимание уделялось проблемным или депрессивным территориям [Корсунский, Леонов, 1999; Куперштох, 1996; Лексин, 2001 и др.], затем фокус публикационной активности сместился в сторону изучения вопросов неравенства между регионами, центром и периферией, а также муниципалитетами [Зубаревич, 2013; Зубаревич, 2019; Казанцева, 2019; Коломак, 2010 и др.].

В данном контексте особый интерес вызывают исследования о влиянии городов на пространственное развитие стран и регионов. Изучению роли городов посвящены работы Т. Г. Нефедовой, Н. В. Зубаревич, А. Н. Швецова, О. В. Кузнецовой, Г. М. Лаппо, П. А. Лавриненко и др. В фокусе внимания ученых находятся мегаполисы и моногорода, агломерационные эффекты и процессы урбанизации, неравенство городов, проблемы административных центров и вице-столиц регионов и др.

Однако, на наш взгляд, можно отметить сравнительно малую степень изученности вопроса о влиянии городов на

территориальное развитие регионов и макрорегионов. Нерешенными остаются проблемы, связанные с определением городов, которые действительно могут быть точками роста, и определением границ их влияния.

Для ответа на эти вопросы проведем сравнительную оценку уровня социально-экономического развития муниципальных образований субъектов РФ в составе ДФО.

#### **Данные и методы**

Информационной базой исследования стали база данных показателей муниципальных образований, отчетность ФНС России, данные органов исполнительной власти дальневосточных регионов и справочно-аналитической системы «СПАРК-Интерфакс».

Сравнительная оценка 215 муниципалитетов проводилась в 2021–2022 гг. на основе данных 2019 и 2020 гг. (в динамике за периоды 2015–2019 гг., 2016–2020 гг.)<sup>1</sup>.

В качестве методической основы для оценки использован ранее разработанный подход, в основе которого лежит выявление признаков депрессивности локальных территорий [Веприкова, Кисленок, Гулидов, 2022]. Методика оценки предполагает расчёт интегральных индексов на основе сформированной системы показателей по каждому из трёх направлений: «состояние экономики», «экономическая динамика» и «условия для сохранения человеческого потенциала».

#### **Полученные результаты и обсуждение**

Полученные результаты позволили сгруппировать муниципальные образования дальневосточных регионов в три группы: территории-лидеры (з – зелёная зона), территории догоняющего развития (ж – желтая зона) и территории-аутсайдеры (к – красная зона) (табл. 1)

По результатам сплошной оценки, из трёх оцениваемых направлений наименьшее количество муниципалитетов-лидеров развития выявлено по направлению «состояние экономики» (18 терри-

торий – в 2020 г., 17 – в 2019 г.). В разрезе регионов самая большая доля зелёной зоны приходится на Магаданскую область (33,3%). Максимальное абсолютное их количество в Республике Саха (Якутия) – 6 территорий.

Наиболее благоприятная картина отмечается по экономической динамике. По результатам оценки 2019 г. позитивные изменения фиксировались в 53 % муниципалитетов. В 2020 г. число муниципальных образований с отрицательной динамикой увеличилось, что во многом объясняется влиянием ограничений, связанных с распространением коронавирусной инфекции. Тем не менее положительная динамика фиксируется более чем у 48% муниципалитетов. По итогам 2020 г. наибольшая доля территорий с благоприятной динамикой отмечается в Хабаровском крае (68,4%), а с отрицательной динамикой – в Еврейской автономной области (66,7%).

По направлению «условия для сохранения человеческого потенциала» результаты сравнительной оценки 2020 г. хуже, чем по данным 2019 г.: доля территорий, находящихся в красной зоне, увеличилась на 9,3% и составила 68,4%. Особенно остро данная проблема стоит для Амурской области и Еврейской автономной области, где ни один муниципалитет не отнесён к группе лидеров, а также для Республики Бурятия и Забайкальского края, где доля территорий-аутсайдеров составляет более 90%.

Сопоставление результатов по трём направлениям оценки, в соответствии с используемым подходом [Веприкова, Кисленок, Гулидов, 2022], позволяет провести группировку муниципальных образований по уровню социально-экономического развития и отнести их к лидерам, территориям догоняющего развития или аутсайдерам (рис. 1).

В большинстве регионов преобладают муниципальные образования красной зоны. При этом в 2020 г. в сравнении с данными 2019 г. количество отстающих

<sup>1</sup> Более актуальные данные не использовались по причине отсутствия значений отдельных показателей в базах данных Росстата на момент проведения исследования. Не охвачены исследованием муниципальные образования Чукотского автономного округа по причине неполноты статистических данных



Таблица 1

**Группировка муниципальных образований  
дальневосточных регионов**

Регион	Состояние экономики				Экономическая динамика				Условия для сохранения человеческого потенциала				
	2019		2020		2015-2019		2016-2020		2019		2020		
	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	кол-во	% к числу МО	
Республика Бурятия	З	0	0,0	0	0,0	11	47,8	14	60,9	1	4,3	1	4,3
	Ж	4	17,4	5	21,7	3	13,0	3	13,0	3	13,0	1	4,3
	К	19	82,6	18	78,3	9	39,2	6	26,1	19	82,6	21	91,4
Республика Саха (Якутия)	З	6	17,1	6	17,1	17	48,6	17	48,6	7	20,0	5	14,3
	Ж	13	37,1	18	51,4	4	11,4	4	11,4	18	51,4	10	28,6
	К	16	45,7	11	31,4	14	40,0	14	40,0	10	28,6	20	57,1
Забайкальский край	З	0	0,0	0	0,0	13	40,6	14	43,8	1	3,1	1	3,1
	Ж	2	6,3	2	6,3	7	21,9	2	6,3	5	15,6	2	6,3
	К	30	93,7	30	93,8	12	37,5	16	50,0	26	81,3	29	90,6
Камчатский край	З	2	16,7	2	16,7	9	75,0	5	41,7	4	33,3	5	41,7
	Ж	6	50,0	8	66,7	1	8,3	1	8,3	3	25,0	3	25,0
	К	4	33,3	2	16,7	2	16,7	6	50,0	5	41,7	4	33,3
Приморский край	З	2	6,1	2	6,1	23	69,7	17	51,5	1	3,0	1	3,0
	Ж	9	27,3	14	42,4	4	12,1	8	24,2	8	24,2	4	12,1
	К	22	66,6	17	51,5	6	18,2	8	24,2	24	72,7	28	84,8
Хабаровский край	З	1	5,3	1	5,3	9	47,4	13	68,4	1	5,3	1	5,3
	Ж	4	21,1	9	47,4	2	10,5	1	5,3	3	15,8	2	10,5
	К	14	73,7	9	47,4	8	42,1	5	26,3	15	78,9	16	84,2
Амурская область	З	2	7,1	2	7,1	19	67,9	11	39,3	1	3,5	0	0,0
	Ж	4	14,3	5	17,9	2	7,1	1	3,6	5	17,9	6	21,4
	К	22	78,6	21	75,0	7	25,0	16	57,1	22	78,6	22	78,6
Магаданская область	З	2	22,2	3	33,3	3	33,3	6	66,7	2	22,2	2	22,2
	Ж	5	55,6	4	44,4	3	33,3	2	22,2	5	55,6	5	55,6
	К	2	22,2	2	22,2	3	33,3	1	11,1	2	22,2	2	22,2
Сахалинская область	З	2	11,1	2	11,1	8	44,4	5	27,8	2	11,1	4	22,2
	Ж	12	66,7	13	72,2	1	5,6	3	16,7	15	83,3	14	77,8
	К	4	22,2	3	16,7	9	50,0	10	55,6	1	5,6	0	0,0
Еврейская автономная область	З	0	0,0	0	0,0	2	33,3	2	33,3	0	0,0	0	0,0
	Ж	1	16,7	1	16,7	1	16,7	0	0,0	3	50,0	1	16,7
	К	5	83,3	5	83,3	3	50,0	4	66,7	3	50,0	5	83,3
<b>Всего по ДФО</b>	З	17	7,9	18	8,4	114	53,0	104	48,4	20	9,3	20	9,3
	Ж	60	27,9	79	36,7	28	13,0	25	11,6	68	31,6	48	22,3
	К	<b>138</b>	<b>64,2</b>	<b>118</b>	<b>54,9</b>	<b>73</b>	<b>34,0</b>	<b>86</b>	<b>40,0</b>	<b>127</b>	<b>59,1</b>	<b>147</b>	<b>68,4</b>

Условные обозначения: МО – муниципальное образование

З территория-лидер; Ж территория «догоняющего развития»; К территория-аутсайдер.

Источник: расчеты авторов.

территорий увеличилось в 5 регионах, сократилось – в 4-х регионах и в одном – осталось неизменным (Камчатский край). Следует отметить, что перемещение из одной группы в другую в рамках одного региона касается 1–2 муниципа-

литетов. Исключение составляет Хабаровский край, где число отстающих муниципальных образований сократилось на 5 единиц за счёт перехода их в группу территорий догоняющего развития.

Количество муниципалитетов-лидеров



Рис. 1. Распределение муниципальных образований по группам территорий в 2019 г. и 2020 г.

социально-экономического развития осталось прежним в 8 из 10 оцениваемых регионов. Изменения произошли в Магаданской области (+1 ед.) и Приморском крае (-1 ед.), при этом общее число лидеров развития в макрорегионе осталось прежним (17 муниципалитетов). В эту группу вошло большинство административных центров регионов<sup>2</sup> и муниципальных образований со значительными запасами высокомаржинальных минерально-сырьевых ресурсов и/или имеющих доступ к водно-биологическим ресурсам Дальневосточного промышленного бассейна. Данные территории, как правило, демонстрируют более высокие удельные инвестиции, доходы бизнеса и населения. В группу лидеров не вошли муниципалитеты Забайкальского края и Еврейской автономной области, что свидетельствует о сравнительно низком уровне социально-экономического развития в данных регионах (табл. 2).

Состав муниципальных образований, являющихся ресурсными центрами, меняется, что связано со значительной зависимостью от конъюнктурных изменений, инвестиционными фазами и жизненным циклом месторождений. Это подтверждает, что в настоящее время

факторы «первой природы» для развития территорий имеют меньшее значение в сравнении с факторами «второй природы». Они могут обеспечить лишь экономический рост, ограниченный во времени, а этого зачастую недостаточно для территориального развития.

Относительно стабильным является положение административных центров регионов, в которых в наибольшей степени сконцентрирован человеческий капитал, формируются экономические и социальные отношения. Это, на наш взгляд, является вполне логичным, так как способность относительно крупных городов притягивать человеческий капитал и удерживать его является основным фактором развития. Однако далеко не все города макрорегиона обладают такими свойствами, что подтверждается результатами оценки, в соответствии с которыми к лидерам отнесено лишь 7 из них. Крупные города являются более привлекательными для проживания, экономика и социальная сфера в них более разнообразны, выше потенциал дальнейшего роста и шире агломерационное влияние на прилегающие неурбанизированные территории. Большинство отечественных исследователей к агломерациям относят

<sup>2</sup> Кроме г. Читы, г. Биробиджана и г. Южно-Сахалинска. При этом Южно-Сахалинск имеет высокое значение интегральных показателей по направлениям «состояние экономики» и «условия для сохранения человеческого капитала», но имеет отрицательную экономическую динамику, что не позволило ему занять место среди лидеров развития.

Таблица 2

**Лидеры социально-экономического развития Дальневосточного макрорегиона по результатам оценки 2019 г. и 2020 г.**

Регион	Лидеры по результатам оценки		Специализация экономики
	2019 г.	2020 г.	
Республика Бурятия	ГО «Город Улан-Удэ»	ГО «Город Улан-Удэ»	Городская экономика
Республика (Саха) Якутия	ГО г. Якутск (с ГО «Жатай»)	ГО г. Якутск (с ГО «Жатай»)	Городская экономика
	Алданский МР	Алданский МР	Добыча МСР (золото)
	Ленский МР	Ленский МР	Добыча МСР (алмазы, нефть и газ)
	Нерюнгринский МР	Нерюнгринский МР	Добыча МСР (золото, уголь)
	Усть-Майский МР	–	Добыча МСР (золото)
	–	Оймяконский МР	Добыча МСР (золото)
Камчатский край	Петропавловск-Камчатский ГО	Петропавловск-Камчатский ГО	Городская экономика, морской порт
	Соболевский МР	Соболевский МР	Добыча и переработка ВБР, добыча газа
	Усть-Большерецкий МР	Усть-Большерецкий МР	Добыча и переработка ВБР
	Карагинский МР	Карагинский МР	Добыча и переработка ВБР
Приморский край	Владивостокский ГО	Владивостокский ГО	Городская экономика, морской порт
	Находкинский ГО	–	Городская экономика, морской порт
Хабаровский край	ГО г. Хабаровск	ГО г. Хабаровск	Городская экономика
Амурская область	ГО г. Благовещенск	ГО г. Благовещенск	Городская экономика
Магаданская область	ГО г. Магадан	ГО г. Магадан	Городская экономика, сервисный центр
	Тенькинский ГО	Тенькинский ГО	Добыча МСР (золото)
	–	Хасынский ГО	Добыча МСР (золото)
Сахалинская область	Ногликский ГО	–	Добыча углеводородов
	–	Южно-Курильский ГО	Добыча ВБР

ГО – городской округ, МР – муниципальный район

Источник: составлено и рассчитано авторами.

города с численностью населения от 250 тыс. человек [Волчкова, Минаев, 2014]. Но большие шансы для развития имеют города с численностью населения свыше 500 тыс. человек [Гурович, 2020].

В Дальневосточном федеральном округе, по данным Росстата, находится 82 города<sup>3</sup>, из которых крупными (более 500 тыс. чел. населения) являются г. Ха-

баровск<sup>4</sup> и г. Владивосток<sup>5</sup>.

Критериям агломерации по численности населения среди административных центров дальневосточных регионов по состоянию на 01 января 2023 г. соответствуют еще три города – г. Улан-Удэ (436,1 тыс. чел.), г. Якутск (361,2 тыс. чел.) и г. Чита (333,7 тыс. чел.)<sup>6</sup>.

Экономические выгоды от concentra-

<sup>3</sup> Из них более половины (44 ед.) с численностью населения от 10 до 50 тыс. человек.

<sup>4</sup> Численность населения на 01.01.2023 – 617,2 тыс. чел. По данным Росстата URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL\\_MO\\_2023.xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx) (дата обращения: 15.03.2023)

<sup>5</sup> Численность населения на 01.01.2023 – 597,2 тыс. чел. По данным Росстата URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL\\_MO\\_2023.xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/BUL_MO_2023.xlsx) (дата обращения: 15.03.2023)

<sup>6</sup> При этом г. Чита по результатам сравнительной оценки муниципальных образований дальневосточных регионов не вошел в число лидеров, в значительной степени уступая по интегральным показателям административным центрам с существенно меньшей численностью населения (г. Магадан, г. Южно-Сахалинск, г. Благовещенск)

ции населения в столицах Приморского и Хабаровского краев не ограничиваются административными границами города и оказывают влияние на прилегающие территории, которое угасает по мере удаления от него. Прилегающие территории выступают по отношению к городу периферией, экономически зависящей от роста города. Роль периферии – быть ресурсным донором центров роста, получая в обмен широкий ассортимент товаров и услуг для своих жителей и спрос для локализованных производств. Кроме того, города генерируют и распространяют инновации, повышающие уровень жизни и качество институтов в формате догоняющего развития. Такой взаимобмен и формирует агломерацию.

Кроме того, по мнению учёных, агломерационные эффекты могут быть реализованы и в городах с меньшей численностью населения. Например, исследователи Института географии РАН отмечают, что «существование развитых городских агломераций с людностью ядра менее 250 тыс. вполне вероятно» [Лаппо, Полян, Селиванова, 2007], а авторы унифицированной методики агломерации делят по типам, выделяя крупногородские (более 250 тыс. человек) и большого-родские (от 100 до 250 тыс. человек) [Полян, Заславский, Наймарк, 1988].

Следовательно, к данной категории городов могут быть отнесены административные центры Камчатского края, Амурской и Сахалинской областей. Кроме того, крупными по масштабам ДФО и имеющими важное значение для своих регионов являются также города Комсомольска-на-Амуре (236,2 тыс. чел.) в Хабаровском крае; Артем (108,7 тыс. чел.), Уссурийск (179,9 тыс. чел.) и Находка (136,1 тыс. чел.) в Приморском крае.

Однако степень проявления агломерационных эффектов этих городов разная, в том числе и в силу объективных причин. Например, в Хабаровском крае расстояние между столицей и вторым по численности населения городом Комсомольском-на-Амуре достаточно большое (400 км). В непосредствен-

ной близости г. Комсомольска-на-Амуре крупные населенные пункты отсутствуют. Это является одной из причин того, что даже, имея статус «города президентского внимания», он не получил должного импульса к развитию, в результате чего продолжает терять население<sup>7</sup>.

По мнению ученых Института географии РАН, для проявления значительных эффектов в агломерационной зоне должно быть не менее 5 городских населённых пунктов с совокупной численностью жителей городов-спутников не менее 50 тыс. человек. С этой точки зрения, наиболее благоприятные условия сложились в Приморском крае, так как в непосредственной близости (в пределах двухчасовой изохроны) от региональной столицы находятся три относительно больших города, суммарно в которых проживает более 350 тыс. человек. Кроме того, расширение границ агломерации возможно также за счет г. Большой Камень (116 км до г. Владивостока), г. Арсеньева (154 км до г. Уссурийска).

В настоящее время более половины населения региона сконцентрировано в административных центрах и крупных городах в четырёх регионах (рис. 2). Столицы этих регионов, по итогам сравнительной оценки муниципальных образований, относятся к лидерам социально-экономического развития.

Два из четырёх субъектов РФ относятся к территориям Крайнего Севера – Магаданская область и Камчатский край, где большая часть населения проживает в административных центрах. Главным образом, это объясняется регистрацией в них бизнеса, связанного с добычей высокомаржинальных полезных ископаемых и водно-биологических ресурсов. В двух других регионах преимущественное влияние оказывают факторы «второй природы», обеспечивающие развитие городской экономики и распространение агломерационного эффекта.

Центры концентрации населения преимущественно обеспечивают преобладающий вклад в экономику региона (табл. 3).

В большинстве регионов вклад круп-

<sup>7</sup> Численность населения по данным Росстата сократилась с 263,9 тыс. чел. (на конец 2010 г.) до 236,2 тыс. человек (на конец 2022 г.).



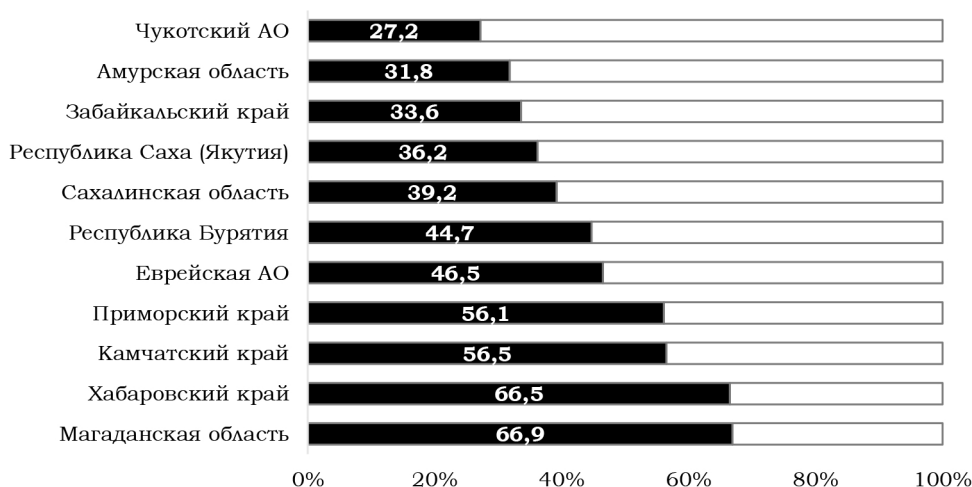


Рис. 2. Доля населения региона, проживающего в административном центре и крупных городах региона (на 1 января 2023 г.)

Источник: расчеты авторов на основе данных Росстата (Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям URL: [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul\\_MO\\_2023.xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Bul_MO_2023.xlsx))

Таблица 3

**Вклад административных центров и крупных городов в экономику региона в 2021 г., %\***

Административный центр	Среднегодовая численность работников организаций	Инвестиции в основной капитал	Основные фонды организаций	Оборот розничной торговли
г. Улан-Удэ	53,2	63,4	54,3	61,6
г. Якутск	23,4	11,5	20,8	59,5
г. Чита	38,7	45,2	55,8	63,5
г. Петропавловск-Камчатский	56,1	68,8	78,7	87,0
г. Владивосток	42,4	48,0	66,2	78,5
г. Хабаровск	54,8	55,5	76,4	70,5
г. Благовещенск	28,4	11,6	25,1	67,3
г. Магадан	51,3	28,0	63,4	90,0
г. Южно-Сахалинск	51,3	33,5	92,5	74,7
г. Биробиджан	56,0	57,9	78,5	98,9
г. Анадырь	34,5	63,7	53,2	53,0
г. Комсомольск-на-Амуре	18,1	2,4	6,1	19,5
г. Артем	4,8	2,0	2,4	6,7
г. Уссурийск	8,6	2,4	2,3	3,8
г. Находка	8,2	8,6	9,7	7,3

\*Без учёта субъектов малого предпринимательства

Источник: URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13206> (дата обращения: 15.02.2023)

ных городов по всем представленным в таблице параметрам превышает 50 %. Крупные города обеспечивают занятость

населения, приток инвестиций, в них сосредоточена большая часть основных производственных фондов. Относитель-

но меньший вклад в экономику региона административных центров и крупных городов отмечается в менее урбанизированных территориях, где крупные инвестиционные проекты реализуются за их пределами (Амурская область, Республика Саха (Якутия)). В этих регионах самая низкая доля инвестиций приходится на административный центр. Незначительный объем инвестиций отмечается во втором по численности городе Хабаровского края – Комсомольске-на-Амуре – 2,4 % краевых инвестиций в основной капитал при доле занятых в 18,1%. Это может свидетельствовать о недостаточности мер по развитию этих городов или отсутствию условий для инвестирования.

Таким образом, города вносят значительный вклад в развитие Дальневосточного макрорегиона. Главным образом это обеспечивается за счет факторов «второй природы», в том числе распространения агломерационных эффектов. Однако, действие агломераций ограничено, так как эффект ослабевает при значительном удалении от города. Поэтому при малом количестве крупных городов или их значительном удалении друг от друга эффект агломерации оказывается недостаточным для поддержания взаимобмена урбанизированных и неурбанизированных территорий и возникают области локальной депрессивности – территории, не получающие положительных эффектов от обмена ресурсами с городами, но, возможно, поставляющие им свои ресурсы.

Для понимания влияния городов-центров роста и минерально-сырьевых центров на периферийные территории приведем картографическое представление результатов сравнительной оценки муниципальных образований дальневосточных регионов (табл. 1), где в цветовой индикации представлены лидеры (зеленая зона), территории догоняющего развития (желтая зона), аутсайдеры (красная зона) (рис. 3).

Анализ пространственного расположения муниципальных образований, имеющих разный уровень социально-экономического развития, позволил выявить несколько закономерностей:

1) в большинстве случаев администра-

тивные центры соседствуют с муниципальными образованиями желтой и/или зеленой зон (за исключением городского округа г. Биробиджан, городского округа г. Улан-Удэ, г. Чита), что соответствует модели «центр периферийных отношений», где города выступают внешними драйверами развития – агломерационный эффект,

2) муниципалитеты-лидеры (зеленая зона), как правило, располагаются рядом с территориями желтой или зеленой зоны, что свидетельствует о проявлении эффекта «диффузии»,

3) основная часть муниципальных образований красной зоны на территории регионов примыкают друг к другу и формируют территориально связанные зоны депрессивности, при этом можно заметить выход за административные границы регионов – территориальную близость муниципальных образований красной зоны с отстающими муниципалитетами соседних регионов.

Большая красная зона расположилась в центральной и северо-восточной части Республики Саха (Якутия). Практически единым массивом красных муниципалитетов объединена южная зона макрорегиона: Республика Бурятия, Забайкальский край, северные и юго-восточные территории Амурской области, Еврейской автономной области, Хабаровский и Приморский края. Наиболее проблемными регионами являются Республика Бурятия и Забайкальский край, где преобладают муниципалитеты красной зоны.

Картографирование результатов сравнительной оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований дальневосточных регионов наглядно продемонстрировало, что имеющееся количество относительно крупных городов и сырьевых центров не способно в достаточной степени обеспечить развитие макрорегиона за счёт проявления агломерационных эффектов и эффектов диффузии, сократить отставание периферийных территорий и тем самым сократить диспропорции территориального развития. Главным образом этому препятствуют сложившаяся структура расселения, большие расстояния между центрами роста и огромная территория.

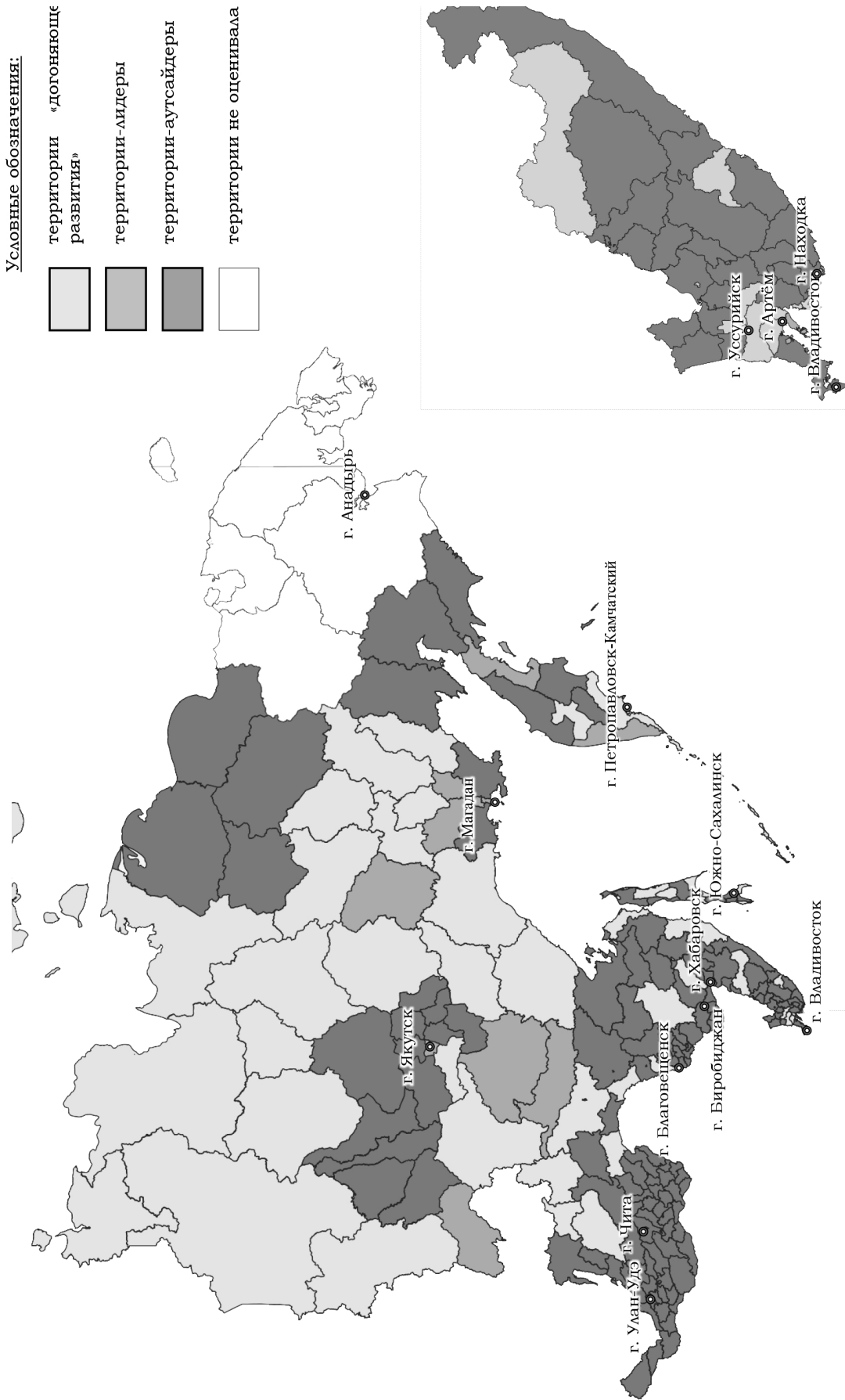


Рис. 3. Картографическое представление группировки муниципальных образований по результатам сравнительной оценки уровня социально-экономического развития (2020 г.)

### **Заключение**

В настоящее время государственная политика ориентирована на стимулирование развития центров роста, которыми преимущественно являются города.

Формирование вне городов центров экономического роста возможно только при наличии исключительно выгодных факторов «первой природы»<sup>8</sup>. На таких территориях могут создаваться специализированные центры роста, которые будут развиваться, пока существует высокий спрос на продукцию их специализации. Для таких территорий высоки риски утраты селитебности после использования последних значимых ресурсов. В неопределенном будущем для этих территорий возможен новый цикл освоения при изменении ситуации в экономике, демографии или геополитике.

Главным вопросом здесь являются пределы централизации, так как конкурентные преимущества всегда различны, и центры роста обладают ими в разной степени; после стягивания ресурсов периферии процесс концентрации продолжится за счет самих центров роста. Это уже происходит, так как малые города не могут конкурировать с более крупными, а те, в свою очередь, проигрывают мегаполисам. Этот процесс не ограничивается административными границами, так как все города конкурируют между собой за основной ресурс – качественный человеческий капитал.

Возникает вопрос, что делать системе управления в этой ситуации? В теории возможны 3 варианта:

- 1) реализовывать инерционный сценарий развития;
- 2) проводить политику регулирования, выравнивая за счет государственных инструментов ситуацию с пространственным развитием;
- 3) поддерживать «естественные» процессы, чем ускорить их действия.

У каждого из вариантов есть положительные и отрицательные эффекты. Абсолютизация процессов конкуренции на

основе факторов роста в среднесрочной перспективе означает нарастающее пространственное неравенство, а в перспективе – пространственное сжатие с утратой освоенности и порождением комплекса новых проблем, которые запустят обратный процесс – децентрализацию и новое освоение.

Деятельность в отношении территорий экономической периферии носит фрагментарный характер (отдельные мероприятия или проекты, например, по поддержке малых городов или по устойчивому развитию сельских территорий) и в основном предусматривает поддержку социальной инфраструктуры. То есть это своего рода «паллиативная помощь», не способная «вдохнуть жизнь» в депрессивные территории.

При этом не учитываются все последствия такого развития, например:

эти территории в настоящее время являются освоенными – на них проживают люди, связанные с этой землей поколениями предков, образом жизни и т. д., и они не покинут свой дом одномоментно, процесс урбанизации растянется во времени на десятки или сотни лет с нарастающим снижением численности населения. А при снижении численности населения повышаются затраты со стороны государства на поддержание жизнедеятельности оставшегося населения, при истощающихся источниках их покрытия;

снижение уровня освоенности означает безвозвратные потери ресурсов, затраченных на освоение данных территорий в прошлом (человеческих жизней, денег, времени и сил);

повышаются инфраструктурные затраты и риски на преодоление «пустых территорий»;

для приграничных территорий возрастают издержки на поддержание функционирования государственной границы и сохранения суверенитета своей территории.

Несмотря на множественность субъек-

---

<sup>8</sup> Доступность высокомаржинальных природных ресурсов (минерально-сырьевых или биологических); эксклюзивные природные объекты, привлекательные для туристов; точки пересечения транспортных путей, например, морские порты, пункты пропуска на сухопутной государственной границе, узловые центры транспортной инфраструктуры.



тов управления и различие условий их деятельности, можно отметить преобладающую ориентацию этих решений на вовлечение в экономический рост факторов «первой природы» через использование геоэкономических преимуществ (в основном транзитных) и природных ресурсов. Данные программы не предусматривают значительных изменений институциональной среды, слабо ориентированы на использование агломерационных эффектов, они хотя и содержат меры, влияющие на человеческий капитал, но без их увязки с развитием территорий.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации декларирует сокращение уровня межрегиональной дифференциации как важнейшую задачу управления пространственным развитием. Однако в большинстве стратегических документов преобладает подход стимулирования развития центров экономического роста с концентрацией в них финансовых и трудовых ресурсов, что означает централизацию ресурсов за счет их вытягивания из «экономической периферии», которая вследствие этого

утрачивает итак ограниченные возможности для роста, становясь депрессивной территорией. Обратное влияние возможно за счет агломерационного эффекта или диффузии экономического роста.

Возможности «центров роста» распространять эффект развития на экономическую периферию через «эффект диффузии» ограничены. Локальные эффекты роста при отсутствии позитивных изменений в остальных территориях могут существенно снижать общую эффективность из-за нарастания диспропорций и возрастания рисков формирования депрессивных зон. Наличие депрессивных территорий в рамках одной территориальной системы снижает общую результативность государственной политики, так как позитивные изменения в развитии одних территорий нивелируются негативными процессами в других. В связи с этим при выборе приоритетов государственной политики важно оценивать ее потенциальные эффекты как для «центров роста», так и для территорий отстающего развития с высокими рисками депрессивности.

#### **Список источников:**

1. Веприкова Е. Б., Кисленок А. А., Гулидов Р. В. Методика оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований региона на основе выявления признаков локальной депрессивности // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 3 (100). С. 71–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86>
2. Волчкова И. В., Минаев Н. В. Теория и практика управления развитием агломераций: монография. Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та. 2014. – 234 с.
3. Гурович А. М. Роль городов и агломераций в пространственной организации Российской Федерации // *Журнал прикладных исследований*. 2020. №1. С. 36–40.
4. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // *Общественные науки и современность*. 2013. № 2. С. 16–17.
5. Зубаревич Н. В. Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 57–70.
6. Иванов С. А., Ложко В. В. О пространственном подходе в теории региональной экономики // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Экономка и менеджмент»*. 2015. Т. 9. № 1. С. 18–25.
7. Казанцева Е. Г. Проблемы регионального неравенства в России // *Региональная экономика и управление: электронный научный журнал*. 2019. № 2 (58). URL: <https://eee-region.ru/article/5804/> (дата обращения: 10.09.2022).
8. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // *Вопросы экономики*. 2013. № 2. С. 132–150.
9. Корсунский Б. Л., Леонов С. Н. Депрессивный район в переходной экономике // *Рос. акад. наук. Дальневост. отд-ние. Ин-т экон. исслед.* Владивосток: Дальнаука, 1999. – 176 с.
10. Куперштох В. Л., Соколов В. М., Суспицын С. А., Ягольницер М. А. Методические

основы выделения депрессивных и отсталых регионов // Регион: Экономика и социология. 1996. № 2. С. 3–33.

11. Лавриненко П. А., Михайлова Т. Н., Ромашина А. А., Чистяков П. А. Агломерационные эффекты как инструмент регионального развития // Проблемы прогнозирования. 2019. № 3. С. 50–59.

12. Лаппо Г. М., Полян П. М., Селиванова Т. В. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. 2007. № 1. С. 45–52.

13. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Общественное развитие: междисциплинарные взаимодействия пространственных проекций // Пространственная экономика. 2011. № 4. С. 124–134. <https://doi.org/10.14530/se.2011.4.124-134>

14. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. Пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32. <https://doi.org/10.14530/se.2010.2.006-032>

15. Наумов И. В., Сидельников В. М., Аверина А. М. Эволюция теорий пространственного развития: принципиальные особенности и современные задачи исследований // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17. № 2. С. 383–398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12>

16. Полян П. М., Заславский И. Н., Наймарк Н. И. Проблемы делимитации городских агломераций: сравнение и синтез ведущих методик // Проблемы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск, 1988. С. 26–40.

17. Harris Ch. Cities of the Soviet Union: Studies of their Function, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally, 1970. – 484 p.

18. Krugman P. R. Increasing Returns and Economic Geography // The Journal of Political Economy. 1991. Vol. 99. № 3. Pp. 483–499. <https://doi.org/10.1086/261763>

19. Krugman P. R. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // Journal of Regional Science. 1993. Vol. 33. P. 129–144. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x>

#### References:

1. Veprikova E. B., Kislénok A. A., Gulidov R. V. (2022) Methodology for assessing the level of socio-economic development of municipalities in the region based on identifying signs of local depression *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia]. No. 3 (100): 71–86. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-71-86>. (In Russ.)

2. Volchkova I. V., Minaev N. V. (2014) Theory and practice of managing the development of agglomerations: monograph. Tomsk: Publishing house Tom. state architect-builds un-ta. 234 p. (In Russ.)

3. Gurovich A. M. (2020) The role of cities and agglomerations in the spatial organization of the Russian Federation *ZHurnal prikladnyh issledovanij* [Journal of Applied Research]. No. 1: 36–40. (In Russ.)

4. Zubarevich N. V., Safronov S. G. (2013) Inequality of socio-economic development of regions and cities of Russia in the 2000s: growth or decline? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 2: 16–17. (In Russ.)

5. Zubarevich N. V. (2019) Inequality of regions and large cities of Russia: what changed in the 2010s? *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. No. 4: 57–70. (In Russ.)

6. Ivanov S. A., Lozhko V. V. (2015) On the spatial approach in the theory of regional economics *Vestnik YUUrGU. Seriya «Ekonomika i menedzhment»* [Bulletin of the South Ural State University. Series «Housekeeper and management»]. Vol. 9. No. 1: 18–25. (In Russ.)

7. Kazantseva E. G. (2019) Problems of regional inequality in Russia *Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal* [Regional economy and management: electronic scientific journal]. No. 2 (58). URL: <https://eee-region.ru/article/5804/> (date of access: 09/10/2022). (In Russ.)

8. Kolomak E. A. (2013) Uneven spatial development in Russia: explanations of new economic geography *Voprosy ekonomiki* [Economic Questions]. No. 2: 132–150. (In Russ.)
9. Korsunsky B. L., Leonov S. N. (1999) Depressive area in a transitional economy. Vladivostok: Dalnauka, 176 p. (In Russ.)
10. Kupershtokh V. L., Sokolov V. M., Suspitsyn S. A., Yagolnitser M. A. (1996) Methodological basis for identifying depressed and backward regions *Region: Ekonomika i sociologiya* [Region: Economics and Sociology]. No. 2: 3–33. (In Russ.)
11. Lavrinenko P. A., Mikhailova T. N., Romashina A. A., Chistyakov P. A. (2019) Agglomeration effects as a tool for regional development *Problemy prognozirovaniya* [Studies on Russian Economic Development]. No. 3: 50–59. (In Russ.)
12. Lappo G. M., Polyan P. M., Selivanova T. V. (2007) Agglomerations of Russia in the 21st century *Vestnik Fonda regional'nogo razvitiya Irkutskoj oblasti* [Bulletin of the Irkutsk Region Regional Development Fund]. No. 1: 45–52. (In Russ.)
13. Minakir P. A., Demyanenko A. N. (2011) Social development: interdisciplinary interactions of spatial projections *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics]. No. 4: 124–134. <https://doi.org/10.14530/se.2011.4.124-134> (In Russ.)
14. Minakir P. A., Demyanenko A. N. (2010) Spatial economics: evolution of approaches and methodology *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economics]. No. 2: 6–32. <https://doi.org/10.14530/se.2010.2.006-032> (In Russ.)
15. Naumov I. V., Sidelnikov V. M., Averina L. M. (2020) Evolution of theories of spatial development: fundamental features and modern research tasks *ZHurnal ekonomicheskoy teorii* [Journal of Economic Theory]. Vol. 17. No. 2: 383–398. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-2.12> (In Russ.)
16. Polyan P. M., Zaslavsky I. N., Naimark N. I. (1988) Problems of delimitation of urban agglomerations: comparison and synthesis of leading methods *Problemy territorial'noj organizatsii prostranstva i rasseleniya v urbanizirovannykh rajonah* [Problems of territorial organization of space and settlement in urbanized areas]. Sverdlovsk, pp. 26–40. (In Russ.)
17. Harris Ch. (1970) Cities of the Soviet Union: Studies of their Function, Size, Density and Growth. Chicago: Rand McNally. 484 p.
18. Krugman P. R. (1991) Increasing Returns and Economic Geography *The Journal of Political Economy* [The Journal of Political Economy]. Vol. 99. No. 3: 483–499. <https://doi.org/10.1086/261763>
19. Krugman P. R. (1993) First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location *Journal of Regional Science* [Journal of Regional Science]. Vol. 33: 129–144. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9787.1993.tb00217.x>

Статья поступила в редакцию 24.07.2023; одобрена после рецензирования 08.08.2023; принята к публикации 11.08.2023.

The article was submitted 24.07.2023; approved after reviewing 08.08.2023; accepted for publication 11.08.2023.

#### **Информация об авторах**

Е. Б. Веприкова – кандидат экономических наук, начальник научного отдела, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

А. А. Кисленок – кандидат экономических наук, руководитель научных проектов, федеральное автономное научное учреждение «Восточный центр государственного планирования»

#### **Information about the authors**

E. B. Veprikova – Candidate of Economics, Head of the Research Department, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»

A. A. Kislenok – Candidate of Economics, Project Team Leader, the Federal Autonomous Research Institution «The Eastern State Planning Center»